

Зав. секцией
языкознания
и литературоведения
Университета
им. Эрнста Морица Арндта
(Грейфсвальд, ГДР)
проф. д-р

К. Габка

О соотношении практической и теоретической сторон сопоставительного изучения языков (на примере бессоюзных сложных предложений)

Соглашаясь с мнением, что «сопоставительное изучение русского языка не следует ни недооценивать, ни переоценивать» [1, с. 48], мы не можем не указать на необходимость учитывать при сопоставлении роль факта, которому не всегда уделяется должное внимание, — склонность учащихся смотреть на изучаемый язык через призму родного языка зависит и от теоретических знаний, приобретенных на занятиях по родному языку в школе, за которыми — следует добавить — стоит языковедческая традиция родного языка¹. Каждый учащийся располагает определенной системой теоретических знаний о родном языке, и — иначе не может быть — он склонен переносить их на явления изучаемого языка [3, с. 69]. С этой точки зрения Р. Зимек характеризует суть сопоставительного изучения в целях преподавания следующим образом: иностранный язык должен быть описан через призму родного языка; предметом изучения является иностранный язык, но он излагается при помощи языковых категорий, известных лингвисту (и читателю-ученику) из его родного языка.

Из этого следует, что именно при подготовке преподавателей-русистов требуется специфический подход к фактам иностранного языка по сравнению с родным: внимания заслуживает не только вопрос о том, существует ли между данными явлениями сравниваемых языков тождество, частичное различие или полное различие, но и вопрос их интерпретации в описаниях обоих языков.

Так, Ч. А. Бедалов указывает на то, что при изучении русского языка в азербайджанской школе одной из трудноусваиваемых синтаксических конструкций являются бессоюзные сложные предложения, так как эти конструкции не выделяются в синтаксическом строе родного языка учащихся в самостоятельный структурно-семантический тип (в грамматиках азербайджанского языка по традиции выделяются для выражения сложной мысли только сложносочиненные и сложноподчиненные предложения). В связи с тем, что такой бессоюзный тип сложного предложения в азербайджанском языке не существует, Ч. А. Бедалов с полным правом критикует попытки ввести в азербайджанскую грамматику перевод русского термина. При изучении сложного предложения в азербайд-

¹ Я. Светлик различает теоретическую и материальную стороны сопоставительного изучения [2].

жанской школе — это вполне понятно — следует уделить особое внимание тому факту, что части сложного предложения в русском языке могут соединяться и без союзов. При этом возрастает роль интонации и внутренних смысловых связей между частями сложного предложения [4, с. 76].

Иначе обстоит дело при сопоставительном изучении сложного предложения в русском и немецком языках. Как показывают примеры, в обоих языках существует полный параллелизм конструкций с союзом и без союза, сравните:

Люди сильно устали, лошади с трудом переставляли ноги — Die Menschen waren sehr ermüdet, die Pferde setzten mit Mühe ihre Füße.

Люди сильно устали, и лошади с трудом переставляли ноги — Die Menschen waren sehr ermüdet, und die Pferde setzten mit Mühe ihre Füße.

Принесут газеты — скажите мне — Bringt man die Zeitungen, sagt es mir.

Когда принесут газеты, скажите мне — Wenn man die Zeitungen bringt, sagt es mir.

В связи с тем что немецкий и русский языки относятся к одной языковой семье, в их языковом строе имеется много аналогичных и сходных явлений, которые без трудностей могут быть перенесены на другой язык, причем в основном совпадает и их теоретическое осмысление, поскольку германистика и русистика складывались под влиянием грамматической мысли европейского сравнительно-исторического языкознания. В соответствии с этой традицией грамматика немецкого языка различает при классификации сложных предложений только два типа синтаксической связи — сочинение и подчинение, которые могут выражаться с помощью союзов, а также без союзов.

Сравнительно-историческим языкознанием убедительно доказано, что сначала люди в процессе общения говорили простыми предложениями (или звуковыми комплексами, равноценными простым предложениям). Возникающие с развитием человеческого мышления смысловые взаимоотношения между предложениями в речевом потоке, являющиеся отражением соотношений в действительности, постепенно нашли и более сложное формальное выражение. Возникновение союзов и союзных слов служило уточнению смыслового взаимоотношения между частями высказывания с помощью внешних показателей [5].

Таким образом, сосуществованием ста-

рых (простых) и новых (сложных) конструкций в современном языке определяется возможность выразить то или иное содержание различными языковыми средствами².

Со времени появления работ Н. С. Поспелова (1950) большинство советских синтаксистов исходят из положения, что бессоюзные предложения отделяются от союзных как третий тип сложного предложения или как самостоятельный структурно-семантический тип, противопоставляющийся союзному сложному предложению в целом³.

Само собой разумеется, что преподаватель должен иметь представление о разных интерпретациях, однако нельзя не видеть, что введение новой категории «бессоюзия» в практику преподавания русского языка немецким учащимся не может способствовать развитию речи. Наоборот, толкование знакомого из родного языка явления другим способом, не имеющим аналогии в грамматике родного языка, мешает развитию речевых умений.

С этой точки зрения нет никаких оснований рассматривать бессоюзные предложения (или часть бессоюзных предложений) как отдельный самостоятельный тип сложного предложения, поскольку они занимают законное место в историческом развитии синтаксиса и, таким образом, в ряду синонимических конструкций современного языка. Приведем в качестве примера реконструкцию членов синонимического ряда следующего предложения: *Он сейчас же уснул, так что на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание.*

1. *Он сейчас же уснул. На свой вопрос я услышал только его ровное дыхание* (самостоятельные простые предложения; невыраженная последовательность).

2. *Он сейчас же уснул, на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание* (бессоюзное сложносочиненное предложение; последовательность, выраженная интонацией).

3. *Он сейчас же уснул: на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание* (бессоюзное сложноподчиненное предложение; подчинение, выраженное интонацией).

4. *Он сейчас же уснул, и на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание* (союзное сложносочиненное предложение; последовательность, выраженная союзом).

² На это указывал еще Й. Гебауэр [6].

³ Подробнее см. [7, с. 10].

5. Он сейчас же уснул, так что на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание (союзное сложноподчиненное предложение; выражение следствия).

6. Он сейчас же уснул, почему на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание (союзное сложноподчиненное предложение; выражение присоединительности).

В зависимости от понимания синтаксической синонимии в узком или широком смысле в этот ряд можно включить и многие другие конструкции; в содержании которых в основном выражаются тождественный факт, тождественная ситуация действительности, например: *Так как он сейчас же уснул, на свой вопрос я услышал только его ровное дыхание* (союзное сложноподчиненное предложение; выражение причины). Или: *На свой вопрос я услышал только его ровное дыхание: он сейчас же уснул* (бессоюзное сложноподчиненное предложение; выражение причины) и т. д.

Итак, синонимический ряд свидетельствует о том, что при историческом изучении сложного предложения обнаруживается отнесение бессоюзных предложений либо к сложносочиненным, либо к сложноподчиненным предложениям [8]. О том, какие здесь могут проявляться переходные явления, пишет С. Г. Ильенко [9, с. 392 и след.].

Другие исследователи также приходят к выводу, что при обучении иностранному языку (например, немецкому или французскому) нецелесообразно выделять самостоятельный бессоюзный тип, противопоставленный союзным предложениям [10—11].

По нашему мнению, прав Я. Г. Биренбаум, который, ссылаясь на положение А. М. Пешковского, что учение о подчинении и сочинении является краеугольным камнем синтаксистов, утверждает: «Недооценка основополагающего соотношения подчинительных и горизонтальных связей частично отразилась в отказе от их противопоставления в бессоюзных предложениях» [12, с. 36].

Ничего нет удивительного в том, что и чехословацкие синтаксисты, в центре внимания которых стоит описание синтаксиса в учебных целях, не выделяют бессоюзные конструкции особо. Так, например, Я. Светлик вслед за Я. Бауэром считает выделение бессоюзных предложений как особого типа, наряду с сложноподчиненными и сложносочиненными, лишним и не вполне обоснованным, «так как и части „бессоюзного предложения“ выступают по отношению друг к другу или как однородные (сочиненные, координированные), или

как неоднородные (подчиняющиеся друг другу)» [13].

Рецензенты пражской Русской грамматики (1979) критически замечают: «Специфика чешской синтаксической науки (в первую очередь школы Я. Бауэра) находит свое отражение прежде всего в классификациях сложного предложения, а именно — в невыделении бессоюзных конструкций в качестве самостоятельного типа и рассмотрении их в рамках сочинения/подчинения...» [14, с. 133]. Традиция чешских грамматик подчеркивает в этой области важность диахронического изучения языков.

Исходя из положения о том, что бессоюзные сложные предложения — это «явление чисто разговорное, народное» (Буславев), Г. В. Соколова приходит к следующему выводу: «Отсутствие синтаксических средств связи в бессоюзных сложных предложениях еще не служит основанием для того, чтобы не видеть в них единой синтаксической структуры уровня сложного предложения» [15, с. 92]. Вполне правомерно она подчеркивает, что при классификации сложного предложения в первую очередь следует учитывать тип смысловых отношений, «абстрагированный на основе множества конкретных употреблений», и типизированные средства организации этих смысловых отношений. Таким образом, Г. В. Соколова указывает также на исторический аспект этого вопроса, поскольку разговорная народная речь сохраняет старые нормы шире, чем кодифицированный литературный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грабе В., Милославский И. Г. Сопоставительная лингвистика в преподавании русского языка. — Русский язык за рубежом, 1981, № 1;
2. Светлик Я. Forschungskollektiv kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung und Fremdsprachenunterricht. — Arbeitsbericht, № 43, Halle, 1977;
3. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методика как наука: Методическая проблема двуязычия; Статья вторая. — Русский язык за рубежом, 1979, № 6;
4. Бедалов Ч. А. Методика развития речи учащихся-азербайджанцев в процессе изучения сложных предложений русского языка. — Баку, 1973;

5

Габка К.

Описание сложноподчиненного предложения в учебных целях и теория сочетаемости. — В кн.: Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы: Доклады и сообщения делегации ГДР. Грейфсвальд, 1976;

6

Гебауэр Й.

O větách složených a o vývoji formy podřadné ze souřadné LF II. — Prag, 1875;

7

Габка К.

Роль теоретических знаний по родному языку при изучении русского языка. — В кн.: Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Доклады и сообщения делегации ГДР. Секция 2. Грейфсвальд, 1982;

8

Руднев А. Г.

Синтаксис современного русского языка. — М., 1968;

9

Ильенко С. Г.

Переходные явления в системе сложного предложения. — В кн.: Проблемы учебника русского языка как иностранного. М., 1980;

10

Гулыга Е. В.

Место сложноподчиненного предложения в системе синтаксиса. — Филологические науки, 1961, № 3;

11

Васильева Н. М.

Бессоюзное предложение и его место в системе сложного предложения. — Иностранные языки в школе, 1981, № 5;

12

Биренбаум Я. Г.

Горизонтальные синтаксические связи. — Вопросы языкознания, 1979, № 5;

13

Светлик Я.

Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. — Братислава, 1970;

14

Кручинина И. Н., Лопатин В. В.

Заметки о пражской «Русской грамматике». — Вопросы языкознания, 1982, № 2;

15

Соколова Г. В.

Бессоюзные предложения в современном русском языке. — Русский язык за рубежом, 1982, № 2.

Материалы и сообщения

*Преподаватель
Киевского
государственного
университета
им. Т. Г. Шевченко*

Н. К. Присяжнюк

Формирование предметной компетенции при обучении русскому языку как иностранному

В последнее время в методической литературе, в выступлениях на конференциях и симпозиумах, в том числе на конгрессах МАПРЯЛ, часто упоминается термин «компетенция», причем различают компетенцию языковую, грамматическую, поведенческую, коммуникативную. Высокая частотность употребления данного термина и его неоднозначность заставляют задуматься над содержанием, которое он призван выражать.

В данной статье предлагается одна из возможных интерпретаций понятия компетенции применительно к обучению русскому языку как иностранному.

С точки зрения задач обучения, компетенцию целесообразно трактовать не как лингвистическую категорию¹, а как категорию педагогическую. Компетенция как педагогическое понятие обозначает совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения. Обучение любому предмету — язы-

¹ Так, Н. Хомский через понятие языковой компетенции и реализации определяет дихотомию язык — речь [1, с. 10].